

ниях Кира, Александра Македонского и Цезаря как случайных конгломератах племен и народностей. Этот вопрос всячески искажался в трудах буржуазных фальсификаторов и поборников англо-американского империализма. В качестве примера для разработки частных вопросов докладчик указал на необходимость критического вскрытия содержания социальных пережитков, встречаемых в литературных источниках.

Докладчик подчеркнул огромное значение работы И. В. Сталина как прекрасного оружия в борьбе против реакционной науки и буржуазной историографии, проповедующей откровенную апологию империализма. Подведя итоги развития советской исторической науки за последние два года и констатировав отставание специалистов по древней истории сравнительно с археологами и лингвистами, докладчик призвал историков древнего мира к проведению творческих дискуссий, необходимых как для повседневной работы, так и для оживления деятельности «Вестника древней истории» и, что особенно важно, для создания марксистской «Всемирной истории» на основе новой периодизации.

В. С. Соколов в своем докладе остановился на огромном значении работы И. В. Сталина, которая вывела советское языкознание из оцепенения и пробудила творческую мысль филологов-классиков, совершенно заглушную под влиянием идей Марра. Сделав обзор сравнительно немногочисленных работ по классической филологии, успевших выйти в свет за последние два года¹, докладчик отметил большое оживление во внутренней жизни и работе коллективов гуманитарных кафедр МГУ.

Подводя итоги развернувшимся прениям, заведующий Кафедрой истории древнего мира В. И. Авдиев указал на недостаточность всего сделанного в области древней истории по сравнению с предстоящими задачами и на необходимость применения руководящих положений гениального труда «Марксизм и вопросы языкознания» к конкретным вопросам древней истории и лингвистики.

Т. М. Шепунова

Конференция ИИМК АН СССР по вопросам скифо-сарматской археологии

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания выдвигают перед советскими археологами ряд актуальных проблем и заставляют пересмотреть порочные положения, возникшие под влиянием Н. Я. Марра. В области изучения скифо-сарматской истории и археологии их вредное влияние выразилось прежде всего в распространении теории о так называемой «скифской стадии», которую якобы прошли племена и народности различного этнического характера. Это очень мешало изучению конкретных племен и приводило к полному игнорированию их подлинной истории. Сторонниками Марра частью были переоформлены, а частью полностью усвоены взгляды буржуазного историка М. И. Ростовцева на скифов, как на пришлое иранское племя, завоевавшее местное население Северного Причерноморья, которое стояло якобы на более низкой ступени развития. Хотя в результате углубленного изучения гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию, благодаря развитию критики и самокритики, вредное влияние антимарксистской концепции Марра в археологии в основном уже ликви-

¹ Статьи акад. С. И. Соболевского (ИАН, ОЛЯ), проф. В. П. Авдиева «К вопросу о развитии древневосточных языков» (ВДИ, 1951, № 1), Я. А. Ленцмана «О древнегреческих терминах, обозначающих рабов» (ВДИ, 1951, № 2), проф. Н. Ф. Дератани «К вопросу об исторической концепции в поэме Лукреция» (ВДИ, 1951, № 3) и его же «Научные проблемы в области классических языков в свете учения И. В. Сталина о языке» (ВДИ, 1951, № 4).

ровано, однако до сих пор еще встречаются пережитки этого влияния. Созванная в начале 1952 г. научная сессия ставила в качестве одной из основных задач борьбу с пережитками взглядов Марра и его «учеников» в скифо-сарматской археологии и истории. Конференция считала своей задачей и всестороннее обсуждение спорных и малоизученных вопросов истории Юга СССР, тесным образом связанной со скифами и их культурой, тем более что ряд существенных вопросов по скифо-сарматской археологии требует дальнейшего изучения. Своевременностью конференции объясняется большой интерес к ее работе; в ней активно участвовало свыше 100 археологов, историков, лингвистов из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Воронежа, Симферополя, Севастополя, Саратова, Ярославля, Ашхабада, Дзауджикау и др.

Во вступительном слове чл.-корр. АН СССР А. Д. У д а л ь ц о в указал на основную тематику конференции: расселение скифских племен, их общественный строй, генетические связи скифских племен с племенами доскифского времени, этническая характеристика различных племенных групп геродотовой Скифии, история сарматских племен и др.

Основным на конференции следует считать доклад Б. Н. Г р а к о в а (Москва) — «Основные культуры скифского времени в Причерноморье». Докладчик указал, что на основании данных Геродота собственно скифов надо рассматривать как союз родственных частью земледельческих, частью кочевых племен во главе с кочевыми «царскими» скифами. В этническое целое их объединяли язык, легенды о происхождении и воинственные обычаи. Язык скифов, как можно судить на основании данных современной лингвистики, принадлежал к так называемой северо-иранской группе языков; об этом же свидетельствует и античная традиция.

В дореволюционное время появилось стремление объединить в одно культурное и этническое целое все племена скифской эпохи в степном и лесостепном Причерноморье, хотя А. А. Спицын уже намечал внутреннее деление скифской культуры. М. И. Ростовцев преувеличивал роль иранских «феодалов»-завоевателей в создании скифской культуры и более, чем другие дореволюционные ученые, видел единство «скифской» культуры на огромных пространствах Европейской части СССР. «Школа» Н. Я. Марра, создавшая понятие о «скифской стадии» в различных местах Европы и Азии и представление о господствующем над яфетическими скифами племенно-классе-ираноязычных кочевников, игнорировала язык как основной этнический признак и тормозила развитие скифологии, нанося огромный вред этой науке. основополагающие работы И. В. Сталина о марксизме в языкознании способствовали общему подъему гуманитарных наук и, в частности, скифологии. Расплывчатое понятие «скифской стадии» отпало. Признание родственности племен и их языкового родства, восходящего к одному языку-основе, позволяет отбросить взгляд Н. Я. Марра на собственно скифов как на конгломерат неродственных племен. Вместе с тем археологический материал дает возможность наметить три основные культурные области скифского времени в Причерноморье.

а) Степная, собственно скифская, культура на Нижнем Буге, Нижнем Днепре, в Крымских и Приазовских степях. С VI в. здесь наблюдается исключительное единство культур: однообразное оружие, конская сбруя, звериный стиль. От Ольвии до ст. Елизаветовской встречаются одни и те же формы лепной керамики, происходящие из поздне-срубной и так называемой киммерийской культур; с V в. наблюдается катакомбный обряд погребения. В этом единстве есть, однако, местные особенности: так, например, скифская культура в Крыму отличается разнообразием погребальных сооружений и своеобразным ритуалом. В III в. н. э. на Днепре появляются поселения черняховского (раннеславянского) типа; степная скифская культура совершенно угасает на Днепре. Вероятно, в этих местах скифское население влилось в состав славянства. В Крыму в это время появляются признаки культурного влияния ранних славян.

б) Культура ряда земледельческо-скотоводческих племен различного происхождения, распространенная в лесостепи. Эта культура по керамике, погребальным сооружениям и обряду, характеру поселений, а также украшений резко отличалась от

культуры населения степной Скифии. С середины V по III вв. до н. э. наблюдаются интенсивные связи лесостепи со степью, в значительной мере нивелирующие эти культуры. Однако и в этот период лесостепь сохраняет свои особенности. Вполне закономерно видеть в племенах, оставивших скифообразную культуру лесостепи, нескифские племена Геродота. Очень вероятна точка зрения ряда исследователей (Артамонов, Третьяков, Тереножкин) о протославянской принадлежности части населения лесостепи. Наиболее соответствуют этой характеристике племена на правобережье Среднего Днестра, которые дают картину последовательного развития от эпохи бронзы до полей погребений.

в) Культура синдо-меотских племен в Прикубанье и восточном Приазовье, которая с VII по IV вв. до н. э. имела черты близости с лесостепью, прослеживающиеся в керамике грунтовых могильников земледельческого населения и в некоторых городищах Прикубанья. Для этой культуры характерны богатые курганные захоронения с шатровыми сооружениями или двойными гробницами, в которых встречаются насильственные захоронения женщин и слуг, погребальные колесницы и массовые захоронения лошадей. Со II в. до н. э. в связи с заселением Прикубанья сарматскими племенами, усиливается влияние сарматской культуры, господствующей здесь с I в. до н. э.

Все три перечисленные археологические культуры имеют заметное сходство, заключающееся в однообразии оружия, конского убора и звериного стиля. Это объясняется культурными и торговыми связями степных скифских племен, которые были создателями и главными передатчиками «скифских» культурных элементов. Влияние перечисленных культур заметно в Приуралье, Сибири, Средней Азии и на Кавказе.

Возражения выступившего в прениях А. И. Тереножкина касались вопроса о племенах, входивших в состав Скифии¹, которая включала, по его мнению, не только собственно скифские, но и лесостепные племена Приднепровья. Этим объясняется сильное скифское влияние, заметное в культуре этих нескифских по своему происхождению племен.

П. Н. Шульц, возражая докладчику, заявил, что деление племен на скифские степные и нескифские лесостепные не имеет под собой достаточных оснований и является механическим. Керамика лесостепных Басовского или Бельского городищ имеет, по его мнению, много общих черт со скифской керамикой степных районов.

Языковед Б. В. Горнунг подчеркнул, что скифские и сарматские племена следует считать ираноязычными и что, судя по лингвистическим данным, связи между иранскими и славянскими языками прослеживаются весьма слабо. Если бы славянские племена долго жили вместе с ираноязычными скифами, взаимодействие их языков прослеживалось бы значительно явственнее. Наличие некоторых взаимосвязей между этими языками может быть объяснено, во-первых, эпохой, когда «протославянские» диалекты выделились из индоевропейской языковой общности и, во-вторых, тем, что североиранские языки вошли в соприкосновение со славянскими языковыми элементами где-то в районе лесостепи тогда, когда часть ираноязычных племен двигалась с востока на запад в Черноморские степи.

В заключительном слове Б. Н. Граков отметил, что граница между степью и лесостепью в те времена имела вполне реальное значение. Ярче всего это характеризует керамика. За исключением керамики узкой полосы пограничных районов в степи не существовало тех форм, которые характерны для лесостепи в VII—IV вв. до н. э. Басовское и Бельское городища совершенно несравнимы по своей керамике. Таким образом, невозможно аргументировать керамикой родство степных и лесостепных племен. Не все племена, вошедшие в геродотову Скифию, следует считать ираноязычными, но при современном состоянии науки трудно сказать, где помещались эти неираноязычные племена.

¹ Под этим термином А. И. Тереножкин подразумевает федерацию различных по своему происхождению племен во главе с собственно скифами.

Доклад Б. Н. Гракова в значительной мере отразил современное состояние советской скифологии и обобщил опыт советских ученых в области скифской археологии: большинство докладов, прочитанных на конференции, подтвердило и детализировало основные положения его доклада.

К таким докладам следует отнести прежде всего доклад А. И. Тереножкина (Киев) — «Памятники предскифской эпохи в Среднем правобережном Поднепровье (чернолесский этап)». Анализируя группу памятников, найденных в северо-восточной части Кировоградской и в южной части Киевской областей (Чернолесское и Субботовское городища), А. И. Тереножкин выделяет их в особый чернолесский этап развития местной культуры (конец IX — начало VII в. до н. э.). Это заполняет пробел в последовательном развитии местной культуры и позволяет говорить о преемственном развитии ее от белогрудовской культуры через чернолесский этап к культуре скифского времени (жаботинский этап) и далее через культуру полей погребальных урн к славянской культуре Киевской Руси. Погребальный обряд на чернолесских городищах свидетельствует главным образом о трупосожжении с захоронением в урнах в бескурганых могильниках. Этот обряд связывает лесостепные племена не со скифами, а с древнейшими славянскими или протославянскими племенами Прикарпатья. Материальная культура племен Среднего Поднепровья имеет много общего с культурой племен Средней Европы. Только позже, уже в скифское время, когда лесостепные племена киевской группы вошли в состав Скифии, в их материальной культуре и в погребальном обряде прослеживается скифское влияние. Однако после территориального сужения Скифии (III в. до н. э.) исчезают все те черты, которые были навеяны культурой кочевых скифов; вновь возрождается также местный погребальный ритуал — сожжение с захоронением в урнах и простое трупоположение, наблюдаемое здесь и в более позднее время.

С основными возражениями по докладу А. И. Тереножкина выступил языковед проф. Кузнецов, считающий неправильным причисление носителей культуры чернолесского этапа к славянам только лишь на основании определенной преемственности между их материальной культурой и культурой славян, позднее занимавших эту территорию. Без лингвистических данных такие утверждения весьма шатки, так как преемственность материальной культуры не означает еще преемственности языка. На это же обратил внимание С. В. Киселев, призвавший археологов к более глубокому и всестороннему анализу фактов. П. Н. Шульдц заявил, что нет оснований для полного отрицания связи чернолесского комплекса со скифской культурой, так как он видит много общего в формах керамики и в орнаменте.

В заключительном слове докладчик подчеркнул, что он не искал общности отдельных элементов культуры, а стремился проследить общие черты в их совокупности. При таком подходе связь Чернолесья с Западом проступает более ясно, чем с Востоком.

Доклад Е. Ф. Покровской (Киев) — «Селище раннего железного века на Тарасовой горе (жаботинское время)» — непосредственно примыкает по своей тематике к докладу А. И. Тереножкина. Если чернолесские памятники дали возможность проследить непрерывность исторического развития материальной культуры лесостепного правобережья от эпохи поздней бронзы до раннего железа, то селище на Тарасовой горе, относящееся к периоду раннего железа, имеет важное значение для изучения дальнейшего развития этой культуры. Найденная на селище разнообразная по форме и хорошо выделанная керамика характеризует дальнейшее развитие форм, выделки и орнаментации керамики городищ времени переходного от бронзы к железу. Наряду со старыми формами имеются формы, характерные уже для раннескифского времени (черпаки, круглотелье кубки). Аналогии металлическим предметам можно найти как на Правобережье и в западных областях (комаровская и висоцкая культура), так и на Кавказе.

Утверждение о преемственном развитии местной культуры лесостепных племен эпохи поздней бронзы и скифского времени, высказанное первыми тремя докладчиками, нашло подтверждение и в докладе С. С. Баранович (Киев) — «Предскифские памятники на Уманьщине», — в котором характеризовались памятники бело-

грудовского типа, имеющие большое значение для выяснения истории местных земледельческих племен в доскифский период. Докладчик высказывает предположение, что курганообразные насыпи, типичные для белогрудовской культуры, связаны с религиозной обрядностью и жертвоприношением. Кроме курганообразных насыпей, было исследовано обычное поселение этого времени. Многообразие керамических форм, хорошее лощение, богатый геометрический орнамент, фрагменты сосудов с инкрустацией указывают, что многие элементы местной культуры скифского времени сложились в белогрудовское время.

В прениях выяснилось, что новые памятники белогрудовской культуры следует считать несколько более ранними (VIII—VII вв. до н. э.), чем собственно белогрудовский комплекс. Б. А. Шрамко сообщил, что памятники, подобные белогрудовским, ему приходилось встречать в районе Северного Донца.

В докладе В. А. Ильиной — «Керамика скифских поселений Посулья» — выяснились локальные особенности скифской керамики. Керамика скифского времени северо-восточных районов лесостепного днепровского Левобережья существенно отличается от керамики Правобережья. Это обстоятельство следует объяснять тем, что керамика Правобережья генетически связана с предскифской керамикой белогрудовских зольников и чернолесских городищ, а керамика Левобережья сформировалась на иной культурной и этнической основе, — возможно, на основе позднесрубной керамики.

Вопросам социальной истории скифского общества были посвящены доклады Б. Н. Гракова и Э. И. Соломоник. Б. Н. Граков начал свой второй доклад — «К истории скифского царства» — с критики концепции М. И. Ростовцева, считавшего скифское общество феодальной державой. В основополагающем труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» важнейшее значение имеют указания на наличие в эпоху рабовладения народностей, имевших свою экономическую базу и свои языки. Работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой союз родственных племен рассматривается как важная стадия на пути образования ранних государств, также указывает правильный путь к пониманию истории скифского царства. Такой скифский племенной союз во главе с царскими скифами существовал с VII по V вв. до н. э. В VII в. племенной союз скифов еще не был централизован; власть царей органичивалась номархами и собраниями в номах, советом царей, правами войска и трехчленным делением царства между царями. Территория, занимаемая этим союзом, с востока ограничивалась Танаисом, с запада — Истром, на севере же, по определению древних авторов, она была ограничена территориями невров, андрофагов и меланхленов, которые, по видимому, были носителями культуры лесостепной полосы скифского времени; если это так, то нельзя полагать, что территория скифского царства распространялась и на лесостепь.

Внутри скифского союза племен подготовлялся переход к классовому обществу и государству. Рабство в этом обществе было довольно распространено; сотни рабов захватывались на войне, в Крыму имелось способное к восстанию порабощенное население, в котором вернее всего видеть местное племя, жившее по побережью Меотиды. Социальное расслоение проникло также в среду свободных общинников. В IV в. до н. э. на почве прежнего племенного союза возникает объединенное царство Атея, в котором скифы-земледельцы окончательно были подчинены царским скифам. Центром созданного Атеем государства было хорошо укрепленное и обширное Каменское городище. Экономической основой этого царства было рабовладение типа фессалийского или спартанского. К IV в. до н. э. относятся сведения о том, что в Крыму живет подвластное царским скифам земледельческое племя, которому поручено добывать хлеб и платить дань. Однако аристократия порабощенных племен не исчезла, она продолжала существовать и делила свои права с господствующим слоем кочевой аристократии. С падением Атея несколько сокращается территория скифского царства, однако в военном отношении скифы были довольно сильны. В течение всего III в. до н. э. структура и экономические основы царства остаются прежними.

Доклад вызвал оживленное обсуждение. Основные возражения, сделанные

А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской, касались оценки Б. Н. Граковым скифского союза племен как союза родственных племен, занимавших в основном территорию степной полосы. Оба оппонента полагают, что в скифский союз племен (Скифия), помимо собственно скифов, входили еще и нескифские племена; Скифия представляла собой федерацию родственных племен, подчинивших себе и обложивших данью другие неродственные скифам племена, которые сохраняли свой язык и сложившиеся еще раньше формы общественной организации. В. А. Ильинская ставит под сомнение также вывод Б. Н. Гракова о возникновении государства у скифов в IV в., относя этот процесс к несколько более позднему времени (III в. до н. э.). К сожалению, в пользу последнего предположения не было приведено никаких аргументов. С поддержкой основных положений доклада Б. Н. Гракова выступили: А. А. Иессен, подчеркнувший правомерность развития скифского общества от племенного союза к государству времен Атея; Т. В. Блаватская, указавшая на особенности развития рабства у скифов, и Б. А. Шрамко, высказавший ряд соображений о враждебных отношениях племен лесостепи со скифами.

В заключительном слове проф. Граков указал на определенную связь между концепциями М. И. Ростовцева и Н. Я. Марра. Положения Ростовцева об иранцах-завоевателях, господствовавших над населением Северного Причерноморья, принесших с собой один (иранский) из трех (местный, греческий, иранский) элементов, якобы слагавших скифскую культуру и создавших на огромных пространствах единую в основных формах культуру, были удобны для представителей теории стадильности в истории языка. Трактовать скифский союз племен как конгломерат завоеванных племен, во главе которого стояло маленькое племя ираноязычных скифов, значит опять вернуться к Ростовцеву. Лесостепные нескифские племена подверглись воздействию скифской культуры, но в состав скифского союза племен они, по большей части, не вошли.

В докладе Э. И. Соломоник (Симферополь) — «Позднее скифское государство» — освещался последующий период истории скифов. Ослабление греческих городов Северного Причерноморья создавало благоприятную обстановку для начавшегося в III в. до н. э. подъема и усиления государства поздних скифов, центром которого был Неаполь Скифский. Территория скифского государства во время его расцвета (II в. до н. э.) включала не только Крым, но и часть Нижнего Приднепровья и Ольвию; юго-западная граница очень близко подходила к Херсонесу, а граница с Боспорским царством проходила где-то около Феодосии. Позднее скифское государство носило чисто скифский характер; тем не менее тесные связи с греческим миром неизбежно приводили к взаимовлияниям. Скифское государство имело свою экономическую базу и состояло из родственных племен, близких между собой по языку и культуре. Товарное сельское хозяйство, развитие ремесла, высокая строительная техника характеризуют наличие в скифском государстве развитого города, что, наряду с чеканкой монет, является показательным признаком наличия государства. Однако процесс развития рабовладения тормозился наличием свободного и зависимого земледельческого населения и значительными пережитками первобытно-общинного строя. Э. И. Соломоник особенно подробно рассматривает борьбу скифов за овладение побережьем во времена Митридата. Докладчик приходит к выводу, что декрет в честь Диофанта очень преувеличивает заслуги этого полководца и умалчивает об успехах скифов. Ослабление скифского государства не было окончательным: к I—II в. н. э. относится новый подъем царства скифов. Только в середине III в. н. э. оно вступает в полосу глубочайшего внутреннего политического и экономического кризиса, усилившегося вторжением племен извне. К IV в. н. э. относятся последние сведения о Неаполе Скифском.

По археологии Крыма в доскифский и скифский период было прочитано три доклада: П. Н. Шульца, Н. И. Погребовой и С. Ф. Стржелецкого. Доклад П. Н. Шульца (Симферополь) был посвящен исследованиям Неаполя Скифского. В послевоенные годы окончательно установлено, что наиболее крупное городище Крыма, расположенное на юго-восточной окраине Симферополя, является именно Неаполем Скифским. В период, предшествующий его возникновению, в местности, непосредственно примыкающей

к городищу, находилось поселение кизил-кобинской культуры с пастушеско-земледельческим населением. Неаполь Скифский возник в III в. до н. э., он был укреплен узкой оборонительной стеной толщиной в 2—2,5 м. Второй строительный период относится ко II в. до н. э. и связан с деятельностью Скилура и его отца. Это — период расцвета столицы скифского государства, превратившейся в город-крепость. Третий строительный период относится ко времени Палака. Стены города достигают максимальной ширины (8,5 м); башня укрепляется дополнительным панцирным поясом. Четвертый строительный период относится к I в. до н. э. — II в. н. э., которые характеризуются вторичным расцветом столицы государства скифов. Восточная башня укрепляется дополнительными панцирными поясами, сооружаются новые и перестраиваются центральные ворота города, создается крупное зернохранилище общественного характера. Последующие слои относятся ко времени упадка города и характеризуются сарматизацией культуры его жителей (III—IV вв. н. э.). Общий облик города был безусловно скифский, хотя в ранний период его существования было заметно эллинистическое, а в поздний — сарматское влияние.

Основой хозяйства поздних скифов явилось земледелие и скотоводство. Ремесло поздних скифов отделялось от земледелия. Этот процесс сопровождался своего рода техническим переворотом (применение железа, переход от простых орудий к сложным, от лепки посуды к гончарному кругу и т. д.). С этим связано развитие денежного обращения и торговли с греческими городами Причерноморья и Средиземноморья, возможно, без посредства Боспора и Херсонеса.

В заключительной части доклада П. Н. Шульц утверждал, что поздние скифы внесли свой вклад в культуру восточного славянства: ряд мотивов в изобразительном искусстве скифов (композиция двух конских голов и копья между ними, мотив с конями по сторонам) встречается в древнеславянском и русском творчестве; начертание скифо-сарматских знаков имеет общее со знаками глаголицы.

Обсуждение доклада П. Н. Шульца проходило довольно бурно, что объясняется не столько самим докладом, сколько рядом статей, опубликованных в послевоенный период П. Н. Шульцом и другими крымскими работниками. В этих статьях скифам, без достаточных оснований, приписывалась роль прямых предков славян. Если судить по содержанию представленного на настоящей конференции доклада, П. Н. Шульц в значительной мере пересмотрел свои взгляды на этот вопрос. Тем не менее заключительная часть и этого доклада показала, что указанные тенденции все еще не изжиты. Основные возражения касались именно заключительной части доклада. С наиболее развернутой критикой выступил проф. Сидоров, подчеркнувший, что лингвистические данные свидетельствуют против утверждения о близости славян со скифским, праиндоевропейским язычным миром. Б. Н. Граков отметил, что отдельные проникновения ранних славян в степи Крыма могли иметь место; однако лишь к III в. н. э. относятся первые признаки раннеславянской культуры в Крыму. В. Д. Блаватский указал, что мотив двух лошадиных голов, приведенный П. Н. Шульцом в доказательство связей скифской и славянской культуры, вообще чрезвычайно распространен.

В докладе Н. Н. Погребовой (Москва) — «Скифские курганы Крыма» — дана хронологическая классификация этого вида памятников. По характеру погребальных сооружений, обряда и инвентаря, скифские погребения Крыма могут быть разделены на два периода: с VII по II вв. до н. э. и со II в. до н. э. по II—III вв. н. э. В первый период господствующей формой захоронения является погребение под курганом в трех видах: 1) в обширных, перекрытых деревом ямах; 2) в каменных ящиках и 3) в земляных склепах и подбойных могилах. Первые две формы подкурганых сооружений характерны для доскифского населения Крыма; третья, возможно, связана с передвижением некоторой части поднепровского населения в Крым. Во второй период вместо захоронений под курганами появляются грунтовые могилы рядового населения вместе с земляными склепами и подбойными могилами; знать же хоронила в высеченных в скалах склепах. Усыпальницей высшего аристократического рода является наземный мавзолей Неаполя Скифского.

С. Ф. Стрелецкий (Севастополь) прочел доклад — «Таврские памят-

ники эпохи бронзы и раннего железа». Исследованные главным образом в советское время поселения эпохи бронзы и железа в Крыму по стратиграфическому залеганию и материалу могут быть разделены на четыре основные группы: I группа (рубеж III—II тысячелетия до н. э.) — оседлые поселения ранней бронзы. II группа (первая половина II тысячелетия) — оседлые поселения развитой бронзы. Основным занятием населения, жившего в поселениях I и II группы, было мотыжное земледелие, скотоводство, охота и рыболовство; орудия сделаны из кремня и камня, семья — патриархальная. III группа (вторая половина II тысячелетия) — оседлые поселения развитой бронзы. Занятия населения — те же, однако орудия из кремня и камня теряют свое ведущее значение; улучшается техника изготовления керамики. IV группа (VII—V вв. до н. э.) — оседлые поселения раннего железа. Основные занятия — земледелие и морской промысел, существует ткачество и приделание. Жилищами служили землянки. Наряду с поселениями существуют укрепленные убежища, что можно поставить в связь с начальным этапом развития военной демократии. Докладчик коснулся результатов исследования так называемых каменных ящиков — погребальных сооружений тавров. Наиболее ранние захоронения в каменных ящиках относятся ко II тысячелетию до н. э., но главная масса их датируется VII—V вв. до н. э. Только в поздний период существования каменных ящиков в них совершались коллективные захоронения. Захоронения в каменных ящиках принадлежат только родовой верхушке, рядовое таврское население хоронило своих покойников в простых грунтовых могилах.

Существенные замечания сделал П. Н. Шульц, указав, что ранние этапы развития таврских поселений нельзя связывать с патриархальным укладом жизни на основании развития скотоводства; на поселениях этого периода найдены кости лишь диких животных. Утверждение докладчика, что каменные ящики являлись могилами родовой знати, П. Н. Шульц считает ошибочным, так как оно основывается на неправильной датировке грунтовых могил, которые следует считать более ранними.

Несколько докладов было посвящено пограничным со скифами племенам и их связям со скифами. Доклад А. П. Манцевич (Ленинград) был посвящен связям Скифии и Фракии. Исследуя форму и орнамент ритона IV в. до н. э. из Талаевского кургана, докладчик приходит к заключению, что ритон сходен с Чертомлыцкой вазой, которую следует считать фракийским изделием; наиболее вероятным местом производства Талаевского ритона является Халкидика. Эту мысль А. П. Манцевич сопровождает рядом соображений о раннем развитии обработки металлов во Фракии и о тесных связях Фракии со Скифией. Однако все выступавшие в прениях указывали, что никаких специфически фракийских черт в исследуемом ритоне обнаружить нельзя. Б. Н. Граков отметил, что центром производства многих уникальных вещей в Южной России было, повидимому, Каменское городище.

И. В. Яценко (Москва) сделала сообщение «О связях степных скифов с соседними племенами (по материалам конского убора)». В результате исследования украшений конской уздечки Нижнего Приднепровья (IV—III вв. до н. э.) и ареала ее распространения докладчик приходит к выводу, что у степных скифов существовали тесные связи с племенами Среднего Поднепровья и Фракии; имеются данные и о связях с северными племенами. С другой стороны, племена Кубани были более оторваны от скифов Нижнего Приднепровья, чем две первые группы племен.

А. И. Мелюкова (Москва), характеризуя культуру доскифского времени в северо-западной части Среднего Поднепровья, полагает, что она была близка или родственна культуре правобережного Поднепровья. Культура Поднепровья скифского времени генетически связана с предшествующей местной культурой: таким же остается погребальный обряд; та же форма поселений, те же формы керамики. «Скифизация» культуры в VI—V вв. протекала в тесном взаимодействии с культурой населения Побужья и Среднего Поднепровья. Связи со степной Скифией не прослеживаются на основании комплекса находок. Вслед за П. Н. Третьяковым докладчик полагает, что племена северо-западной части Поднепровья могут быть связаны с неврами Геродота.

Выступивший в прениях Б. В. Горнунг обратил внимание на то, что наличие территорий, подобных Среднему Поднепровью, где черты развития скифской культуры про-

слеживаются слабо, может до какой-то степени объяснить, почему в славянских языках нельзя уловить сильного влияния иранских корней.

В докладе «Раскопки Высоцкого могильника в 1951 г.» В. И. Каневец (Киев) подробно характеризует могильник у с. Высоцкое Заболотцевского р-на Львовской области и датирует его временем гальштата C и D (VII—V вв. до н. э.). Могильник насчитывал множество погребений, размещенных рядами. Встречаются парные захоронения, преобладает обряд трупоположения. Основной сопровождающий материал — керамика и металлические изделия. Поселения, относящиеся к высокой культуре, обнаруженные в других местах, имеют небольшие размеры. В. И. Каневец указывает на черты, связывающие высокую культуру с лужицкой; с другой стороны, имеются черты, чуждые лужицкой культуре и сближающие высокую культуру с украинской лесостепной. Высоцкая культура, которую следует связывать с неврами Геродота, сыграла определенную роль в сложении культуры славянских племен.

Н. В. Анфимов (Краснодар) сделал доклад на тему «Синдика в VI—IV вв. до н. э.». Синды — одно из коренных оседлых меотских племен в низовьях р. Кубани. Они занимали Таманский полуостров и нынешние Варениковский и Анапский районы; северной границей являлась р. Кубань, восточная доходила до хутора Краснобатарейного, юго-восточной границей являлись горы, южной — море. Основу экономики синдов составляло развитое сельское хозяйство. Наличие костей мелкого и крупного рогатого скота, свиней и частично лошадей указывает на развитие скотоводства, а находки грузил, рыболовных крючков и остатки рыб свидетельствуют о рыболовстве. С V в. синды начали применять гончарный круг. Вооружение синдов тождественно меотскому и весьма сходно со скифским.

Возражения оппонентов касались главным образом двух положений: вопроса о границах Синдики и торговли синдов непосредственно с греками метрополии. В заключительном слове Н. В. Анфимов удачно отстаивал свои утверждения, приведя в дополнение новые аргументы.

Вопросы, связанные с археологией сарматских племен, были представлены на конференции двумя докладами — К. Ф. Смирнова и М. И. Вязьмитиной. Доклад К. Ф. Смирнова (Москва) был посвящен итогам и перспективам сарматской археологии. Заслугой советских археологов является систематическое изучение массовых сарматских памятников, особенно на территории Поволжья, Дона и Кубани, слабее исследованы западноказахстанские степи, Предкавказье, центральные районы Северного Кавказа и Украины. Основной территорией формирования сарматских племен являлись Задонские и Поволжско-Уральские степи, где прослеживается непрерывное, более чем тысячелетнее, развитие одной и той же культуры.

Сарматы представляли не господствующее племя наездников, как это утверждал М. И. Ростовцев, а сплошное, этнически единое кочевое население. В Прикубанье сарматы не были автохтонным населением; они появились здесь с III—II вв. до н. э. из Приволжских степей. Появление сарматов (сираков) в Прикубанье не нарушило развития местной земледельческой культуры, однако оказало еще далеко недостаточно и изучение сарматов Северного Причерноморья проведено еще далеко недостаточно и является одной из важнейших задач сарматской археологии. Однако исследование имеющегося материала Украины позволяет говорить о вытеснении скифов сарматами из ряда областей Скифии и утверждать происхождение основной массы северочернозёмных морских сарматов из задонских и волжско-уральских степей. Важное место занимает вопрос о взаимоотношениях сарматов и ранних славян. В районах соприкосновения сарматской культуры с культурой полей погребений можно наблюдать взаимодействие этих культур.

В докладе М. И. Вязьмитиной — «Сарматский некрополь в окрестностях с. Ново-Филипповка, Запорожской обл.» — подведен итог раскопкам 1951 г. у р. Молочной, в районе строительства Южно-Украинского канала. Экспедицией открыты впервые в Приазовье большие сарматские могильники. Исследовано до 40 погребений, ориентированных большей частью на юг и север. Типы могил различны: квадратные, вытянутые, овальные грунтовые могильные ямы, ямы с боковым подбоем. Погребения в

могильных ямах с диагональным положением погребенного следует связывать с роксоланами, которые к I в. до н. э. продвинулись в приазовские степи и заняли область по левую сторону Днепра. Это подтверждается бронзовыми и железными фибулами, пряжками, браслетами и предметами вооружения. В могильниках найдено также значительное число привозных изделий из городов Северного Причерноморья. Инвентарь и обряд погребений имеют ряд аналогий с сарматскими курганами Поволжья и Прикубанья.

К. Ф. Смирнов в прениях отметил большое значение открытого памятника и указал, что формы керамики, продемонстрированной в докладе, находят себе аналогии в задонских и заволжских сарматских погребениях.

Во втором своем докладе — «Этапы развития культуры населения Среднего Прикубанья скифо-сарматского времени» — К. Ф. Смирнов указывает следующие этапы развития культуры прикубанских племен.

Первый меото-скифский этап (с VI по IV вв. до н. э.) характеризуется наличием земледелия и скотоводства на правом берегу Кубани и полукочевого скотоводства преимущественно в Закубанье. Характерное сочетание грунтовых могильников рядового земледельческого населения и курганных погребений племенной аристократии как оседлых, так и полукочевых племен, объясняется не только наличием двух хозяйственных укладов и значительной социальной дифференциацией кубанских племен, но и различным происхождением племенных групп Прикубанья. Прямая связь племен Прикубанья в VI—IV вв. до н. э. со скифами прослеживается не только в обряде захоронения, но и в дальнейшем развитии земледелия, металлургии, в родстве некоторых форм керамики, оружия и украшений.

Второй меото-сарматский этап (IV—II вв. до н. э.) характеризуется включением ряда меотских племен в состав Боспорского государства, проникновением в состав меотских племен сарматов из волго-донских степей.

В следующий, третий сармато-меотский этап (I в. до н. э.— III в. н. э.) происходит смена культуры меотских и сарматских племен общесарматской культурой Поволжья и Украины. На Правобережье Кубани проникают аланы, которые устанавливают господство над меотским и сиракским населением. Однако в материальной культуре населения Прикубанья сохраняется своеобразие местного характера.

В прениях А. А. Иессен отметил, что основной материал доклада относится лишь к северо-восточной части Среднего Прикубанья, в то время как на юго-западе существовала собственно меотская культура, продолжавшая еще древние традиции эпохи бронзы. Н. В. Анфимов, вполне согласившись с периодизацией докладчика, возражал против наименования периодов и того содержания, которое вкладывается в каждый из них. При таком построении все сводится не к истории внутреннего развития меотских племен, а к их сарматизации. С Н. В. Анфимовым согласился и В. П. Шилов. В заключительном слове К. Ф. Смирнов согласился с замечаниями оппонентов.

В докладе А. А. Иессена (Ленинград) — «Характеристика памятников Северного Кавказа VIII—VII вв. до н. э.» — были выделены две группы памятников, предшествующих келермесским курганам (вторая половина VI в. до н. э.). Первая группа непосредственно примыкает к келермесским и датируется рубежом VII и VI вв. до н. э. Она характеризуется наличием бронзовых удилищ и наконечниками стрел келермесского типа. Вторая группа памятников относится к VIII — первой половине VII вв. В ряде элементов (наконечники стрел, кольца от конского убора с подвижной муфтой и др.) видна, с одной стороны, непосредственная связь с комплексами предкелермесского времени, с другой — с предметами предшествующей кубанской культуры (эпоха бронзы). В этой группе довольно широко освоено железо (наконечники копья, рукоятка кинжала, обломок клинка). Докладчик считает, что, во-первых, культура раннескифского времени на всей северокавказской территории развивается из культуры эпохи бронзы и, во-вторых, что широкое освоение железа, которое многие исследователи относили к началу VI в., происходило уже в VIII—VII вв. до н. э. Этническая принадлежность владельцев разобранных комплексов не может быть окончательно определена: это могли быть и скифские племена, и киммерийцы и, наконец, какие-то местные северокавказские племена.

Б. Б. Пиотровский (Ленинград) в докладе «Скифы и урартские административные центры в Закавказье» отметил ряд памятников, указывающих на проникновение скифов на территорию Закавказья. Большой материал, характеризующий связи скифов с Закавказьем, дали раскопки Тейшебашни (Кармир-блур). Пребывание киммерийцев и скифов в стране Мана, о чем сообщают ассирийские источники, подтверждается находками скифских предметов в Иране (клад в Саккызе), в которых заметно влияние древневосточных элементов. Б. Б. Пиотровский подчеркнул несостоятельность ранее выдвинутых им положений о «скифской стадии» в Закавказье и Передней Азии.

Доклад Е. И. Крунова (Москва) был посвящен походам скифов в Переднюю Азию. Отметив два этапа проникновения киммерийских и скифских племен в Переднюю Азию (в конце VIII и в середине VII вв. до н. э.), докладчик сопоставил сообщения ассирийских, библейских и древнегреческих источников о путях этого проникновения с местами нахождения предметов скифского типа. В результате такого сопоставления Е. И. Крунов отметил поразительное совпадение исторических свидетельств и топографии археологических находок. Очевидно, киммерийцы прошли в Закавказье и Малую Азию по меото-колхидской дороге. Скифы же воспользовались древними проходами и прошли четырьмя маршрутами: по меото-колхидской дороге, через Мамисонский перевал, через Дарьяльский и через Дербентский проходы; основным следует считать путь через Дербентский проход.

П. Д. Либеров в перед зачитанием доклада возражал против того, чтобы собственно скифской территорией считать лишь степную полосу, указывая, что и в лесостепи имеются типичные памятники скифской культуры (посульская группа памятников, Старшая могила). В своем докладе — «Хронология памятников лесостепи в скифскую эпоху» он предложил следующую классификацию памятников лесостепи в скифскую эпоху: а) Раннескифский период (VII—VI вв. до н. э.), по видимому, генетически связанный с более ранним временем, на начальном этапе характеризуется значительной ролью бронзы; господство железа относится к концу раннескифского периода. В начале VI в. до н. э. появляются в качестве погребальных сооружений срубы. Уже в то время прослеживаются значительные изменения в социально-экономических условиях жизни общества на основании различий в погребальном инвентаре и погребальных сооружениях. б) Среднескифский период (V — первая половина IV в. до н. э.) характеризуется полным господством железа, совершенствованием мечей, наконечников стрел и срубы. Сруб еще продолжает существовать и количество погребений с трупосожжением возрастает, приобретая признаки, близкие к полям погребений. в) Позднескифский период (IV—III вв. до н. э.) совпадает с проникновением в Среднее Поднепровье новых элементов культуры из степи (в виде камер-катакомб и инвентаря чертомлыцкого типа). Происходит дальнейшее совершенствование вооружения, обряд трупосожжения приобретает черты, еще более сближающие его с обрядом полей погребений.

Вступительные замечания докладчика вызвали возражения со стороны большинства выступавших в прениях: А. И. Тереножкин, К. Ф. Смирнов, Е. Ф. Покровская и Б. А. Шрамко указали докладчику, что сделанные им предварительные замечания идут вразрез с основными выводами многих заслушанных и обсужденных докладов. Выступавшие правильно отмечали противоречия между докладом и вступительными замечаниями П. Д. Либерова: с одной стороны, докладчик говорит о лесостепи, с другой же — утверждает как о территории с собственно скифской культурой, с другой же — утверждает как о территории с местным характером культуры племен лесостепи и самостоятельное развитие ее от эпохи бронзы до периода полей погребений, указывая лишь на влияние скифской культуры. Только П. Н. Шульдц выступил с поддержкой замечаний Либерова, оперируя, впрочем, теми же аргументами, которые выдвинул докладчик. С. С. Черников указал на ряд интересных вопросов, связанных с историей кочевников вообще. Однако он безусловно преувеличил роль кочевников во всемирной истории и допустил ряд ошибок, на которые ему указал С. В. Киселев.

Подводя итоги конференции, следует отметить, что она была проведена по четкому плану, намеченному в докладе Б. Н. Гракова. Прочитанные доклады и их детальное всестороннее обсуждение дали возможность выработать общую точку зрения по

ряду важных проблем. Этим объясняется единодушное с незначительными поправками и дополнениями принятие резолюции. В резолюции подчеркнута значимость работ И. В. Сталина для исследований в области истории вообще и в области скифоведения — в частности. Наряду с достижениями советских археологов указаны недостатки в их работе: отсутствие обобщающего труда по скифо-сарматской истории и археологии, отсутствие публикаций важнейших скифских памятников. Отметив огромный вред, который был нанесен истории и археологии скифских и сарматских племен «теорией» Н. Я. Марра, конференция указала на наличие пережитков этой «теории», проявляющихся в стремлении видеть во многих случаях автохтонное изолированное развитие племен и культур без достаточных к тому оснований, в присвоении скифам, а иногда сарматам (без учета места их пребывания и их языковой принадлежности) роли предков славян или других народов.

В заключительной части резолюции говорится:

«В результате обсуждения представленных докладов, конференция пришла к следующим выводам:

1) В настоящее время можно считать наметившимися четыре основные большие культурные области скифского времени в Восточной Европе, сходные между собой по ряду черт: а) лесостепная полоса Молдавии, Украины и РСФСР с культурой ряда племен различного происхождения; в западной части этой области, где со II в. до н. э. установлено развитие раннеславянской культуры, начиная со скифского периода (культуры полей погребений), вполне вероятно искать культуру части древнейших славян, которую следует связывать с историей летто-литовской языковой группы, имевшей со славянами давнюю языковую связь, а следовательно, с соседними археологическими культурами Запада. Эта культура может быть связана с культурами бронзового века.

б) Степная, собственно скифская культура на Нижнем Буге, Нижнем Днепре и в Приазовских степях. Здесь, судя по историческим и лингвистическим данным, обитала не принадлежавшая к славянской общности группа кочевых и земледельческих, собственно скифских племен (по данным современной советской лингвистики, наиболее вероятна их принадлежность к так называемой североиранской группе индоевропейских языков). Устанавливаются значительные отличия этой культуры в ряде черт от лесостепной и кубанской культурных групп. Именно в этой части на основе племенного союза с большой вероятностью можно предполагать образование в IV в. до н. э. рабовладельческого государства, центр которого в III—II вв. до н. э. перешел в Крым. Вопрос о времени и условиях появления славян в степях УССР и в Крыму требует самой тщательной дальнейшей разработки. Можно думать, что с появлением в III в. н. э., но не раньше, поселений черняховской (раннеславянской) культуры на Нижнем Днепре, часть скифских племен низовьев Днепра волилась в состав славянства. В Крыму в это же время появляются признаки этой культуры, которая, однако, еще не обозначает непереносимого проникновения сюда самих славян.

в) Культура скифо-меотских племен в Прикубанье и восточном Приазовье, имеющая некоторые общие черты с культурой лесостепной части Северного Причерноморья и более восточных районов Северного Кавказа. В этой области наблюдается с III—II вв. до н. э. появление основных элементов новой культуры в связи с воздействием и постепенным проникновением сюда сарматов.

г) Культура сарматов (несомненно относящихся к так называемой североиранской языковой группе) поволжско-уральских степей, возникшая в VII—VI вв. до н. э., имеет ряд черт близости к трем предыдущим культурам при наличии сходства с соседними культурами Западной Сибири.

Сходство всех указанных культур объясняется историческими связями, в которых заметную роль играли степные племена, обогащавшие эти культуры путем культурных и торговых связей общими так называемыми «скифскими культурными элементами», а именно: оружием, конским убором и произведениями так называемого звериного стиля. Влияние этих культур заметно в ряде мест Приуралья, Сибири, Средней Азии и Кавказа.

Важным достижением советской археологии является успешное разделение этих больших культур на ряд локальных вариантов, облегчающее возможность выявления подлинных этнических групп и их роли в древней истории СССР».

Т. Златковская

Обсуждение статей по древней истории для второго издания БСЭ

В марте с. г. Ленинградское отделение Института истории АН СССР провело двухдневное обсуждение статей по античной истории, подготовляемых к опубликованию во втором издании БСЭ. Совещание было организовано сектором древней истории ЛОИИ и проходило, ввиду болезни руководителя сектора акад. И. И. Толстого, под председательством акад. В. В. Струве.

Совещание привлекло к себе внимание ленинградской научной общественности. В нем приняло участие девять научных учреждений (ЛОИИ, ЛГУ, ЛОИИМК, пединституты им. Герцена и им. Покровского, Библиотечный институт им. Крупской, Гос. Эрмитаж, Главная редакция Морского Атласа, Редакция всеобщей истории БСЭ). По 17 статьям, представленным на обсуждение, было заслушано 26 выступлений.

В вступительном слове представитель БСЭ Е. Волгина указала, что статьи в БСЭ должны отражать достижения советской исторической науки; особое внимание должно быть обращено на освещение социально-экономической истории античного общества, классовой природы античных государств, социальных противоречий, восстаний рабов и колонов и т. д.

Наибольший интерес привлекло к себе обсуждение статьи «Греция древняя» (объем около 6 листов). М. Максимова (ИИМК), остановившись на разделе статьи, посвященном крито-микенскому периоду, отметила ряд недостатков в периодизации истории критской культуры и рекомендовала более сильно подчеркнуть коренное различие между критской и микенской культурами. В. Гайдукевич (ИИМК) предложил включить в статью краткий очерк «Материальная культура», который познакомил бы читателя с материальными основами античного рабовладельческого общества, и бы показал связь крито-микенского периода с последующим — гомеровским. Он отметил, что положительным качеством статьи является включение в исторический очерк отдельных моментов, связывающих историю Греции с Северным Причерноморьем. Обширное выступление по статье сделал акад. А. Тюменев, который предложил расширить географический очерк, дополнить раздел информацией о западных греках и особенно остановился на вопросе о необходимости подробного освещения экономики древней Греции и положения рабов. Раздел по истории Афин, по его мнению, слишком велик в данной статье при наличии специальной статьи «Афины» в 3-м томе БСЭ. Акад. А. Тюменев затронул в своем сообщении вопрос, вызвавший широкую дискуссию. «Я никак не могу согласиться с тем, — сказал он, — что на Крите существовало классовое рабовладельческое общество восточного типа, как это утверждает статья. С моей точки зрения, там существовало общество, приближающееся по типу к гомеровскому. Нет никаких фактов, доказывающих существование классового общества на Крите: это лишь галлюцинация историков». В. Струве, Д. Каллистов и другие участники совещания подвергли точку зрения А. Тюменева критике. На конкретных фактах В. Струве показал, что, согласно археологическим данным, благодаря установлению наличия письменности на Крите и на основании литературной традиции, можно говорить о существовании классового общества на Крите. Д. Каллистов напомнил собравшимся, что точка зрения А. Тюменева по вопросу о критском обществе была подвергнута критике на совещании историков древнего мира еще в 1940 г. Подытоживая выступления по статье «Греция древняя», М. Ботвини-